

Вадим Зеликовский

007

ПО-СОВЕТСКИ

Вадим Зеликовский

007 по-советски

«Автор»

1991

Зеликовский В. В.

007 по-советски / В. В. Зеликовский — «Автор», 1991

Главный герой Вячеслав Казанцев - советский разведчик, капитан КГБ. Еще в советский период ведет расследование пропавшего нефтедобывающего комплекса, поставленного по контракту в одну из стран Ближнего Востока. В результате выясняется, что нефтедобывающий комплекс оказывается оружием, что сюрприз даже для героя.

© Зеликовский В. В., 1991

© Автор, 1991

Содержание

Часть первая	5
Глава 1. Пролог в стиле XIII века	5
Глава 2. Официальная часть	8
Глава 3. Неофициальная часть	13
Глава 4. Казанцев	18
Глава 5. Сцена прощания	21
Глава 6. Казанцев	27
Глава 7. Знакомство на высоком уровне	28
Глава 8. Казанцев	32
Глава 9. Экскурсия по городу	34
Конец ознакомительного фрагмента.	35

Вадим Зеликовский

007 по-советски

Часть первая

Суета в рамках закона

Глава 1. Пролог в стиле XIII века

(3 августа, 7 часов утра)

Солнце несмело выглядывало из-за плеча покосившейся деревянной церквушки. Пустынные улочки посада, поросшие шалой, уже пожухшей под августовским солнцем травой, стекались к маленькой площади, забитой до отказа ревушим скотом. Громкий женский плач, доносившийся из церкви, а также нестройный хор поющих голосов вплетались в рев и блеяние.

В церкви, несмотря на раннее утро, горело множество свечей. Их колеблющиеся блики освещали перепуганные женские и детские лица. Маленький, седенький попик, невнятно, нараспев тянул молитву. У его ног, тыкаясь ему в колени большой нечесаной головой, ползал юродивый. Он скулил особенно душераздирающе, и после каждого его истерического вскрика плач усиливался.

Попик нагнулся и ласково погладил юродивого по спутанным волосам; а тот, ухватив дрожащую старческую руку, припал к ней губами. Внезапно в его голубых, чуть ли не в половину изможденного лица глазах вспыхнул безумный огонек, полыхнул из-под ресниц, и как будто сорвавшаяся пружина разогнула худое тело. Юродивый, крича и нелепо размахивая руками, бросился к выходу и выбежал на площадь.

Там он начал метаться, расталкивая ревущих не доенных коров, стремясь выбраться с площади туда, где на невысоких стенах застыло плечом к плечу все мужское население маленького городка.

– С Господом нашим! Христом Всеспасителем! Постоим за веру христианскую! – надсадно выкрикивал юродивый, пытаясь перекричать жалобное мычание.

Коровы в страхе шарахались от него.

Сверкнув на солнце вороним оперением, горящая на конце стрела уткнулась ему в грудь, остановив на бегу. Юродивый упал и, дернувшись, затих.

И тут же, застывшие как на картине, ряды защитников как будто по команде ожили. Пущенные ими длинные стрелы, визжа на ветру, понеслись в чистое поле, где с нечеловеческими переворачивающимися душу криками, скакала дикая татарская конница.

Впереди всех мчался всадник в рыжем малахае. Порывы утреннего ветра рвали длинные лисьи хвосты, и они бились у всадника за плечами, как диковинные рыжие крылья. Прижавшись вплотную к длинной гриве своего низкорослого злого, как матерый волк, коня, он несся к городу – неотвратимый, как сама смерть, ужас которой маской застыл на лицах воинов стоящих на стенах.

Не доскакав до них метров пятьдесят, всадник резко осадил коня, который тут же застыл на месте – неподвижный, как скала, – и в считанные мгновенья, почти не целясь, выпустил десяток, не знающих промаха, стрел.

Вопль ужаса прокатился по стенам. А татарский кентавр, слившись с конем в единый беспощадный, неуязвимый организм, уже мчался дальше, уступив место своим воинам, прокладываям себе путь в осажденный город каленым градом стрел.

Город горел во многих местах, и черный угарный дым стелился над зеленым полем, над бурыми оврагами и маленькой прозрачной речушкой, мирно текущей под косыми лучами восходящего солнца.

Всадник в рыжем малахае неожиданно вынырнул из густой дымовой завесы. Он оказался под самой стеной как раз в том месте, где окруженный кольцом одетых в серебристые кольчуги и шоломы гридней стоял воевода. Дым пожара ел его глубоко посаженные глаза, и слезы катились по морщинистой коже.

Тугая черная тень, разматываясь со свистом, заслонила солнце, петля змеей обвилась вокруг шеи, и день померк...

Воевода неестественно дернулся и, тяжело ударившись о край стены, рухнул в зелень травы. И через какой-то миг его тяжелое тело, захлестнутое петлей аркана, связанное накрепко саженьями крепчайшей волосяной веревки, волоклось, подскакивая на ухабах, вслед за яростным всадником, несущимся под радостный дикий визг своих воинов к одинокому кургану, где под бунчуком с белоснежными конскими хвостами раскинулся нарядный ханский шатер.

Всадник на полном скаку подтянул тело воеводы, оставляющее глубокий зеленый след в высокой траве, почти вплотную к мелькающим в бешеном галопе копытам коня, которые, казалось, вот-вот разобьют лицо с глубоко сидящими остановившимися глазами и полуоткрытым задушенным ртом.

Но всадник, откинув назад гибкое тело, легко, как будто лишенную веса, выдернул свою добычу из-под самых копыт и, перекинув ее через шею коня, поскакал дальше.

Ханский шатер трепетал на ветру, как яркая заплата, пришитая к голубому плащу горизонта. Всадник же, с торжествующим визгом проскакав по крутому боку холма на самый краешек, господствующий над всей округой, медленно стянул с головы лисий малахай и утер им пот с темного, как будто чем-то вымазанного лица. Ветер шевелил его длинные, светлые волосы.

Вдруг за спиной всадника раздался шум мотора, и из-за раздувавшегося паруса шатра неторопливо выкатилась блестящая на солнце черная «Волга». Ее появление ничуть не удивило пришельца из двенадцатого века. Не обращая на автомобиль ни малейшего внимания, он устало глядел вдаль, где, отражая солнце, лупили ярким светом в глаза окна шестнадцатиэтажных домов, вытянувшихся цепочкой вдоль шоссе, ведущего в аэропорт.

«Волга» подкатила ближе, и из нее выбрался человек в сером добротном костюме. Он подошел вплотную к морде коня и внимательно оглядел всадника, неодобрительно покачивая головой и прицокивая языком.

– Хорош! – наконец произнес он.

– Привет! – на чистом русском языке отозвался лжетатарин.

– Может, все-таки отпустишь человека? – спросил приехавший, кивая на воеводу, который по-прежнему кулем висел на шее коня.

Этого? – всадник рассмеялся. – Запросто.

Небрежным движением он смахнул с коня безжизненное тело, которое с глухим стуком шлепнулось на спину. Приезжий в ужасе глянул на упавшего, то тут же тоже рассмеялся. У воеводы вместо лица была грубо подмалеванная маска манекена.

– Когда же ты успел? – спросил он у всадника. – Я же все своими глазами видел.

– Плохо смотрел, значит... – попытался отшутиться всадник.

– Хорошо смотрел! – настаивал приехавший. – Не могу понять...

– Трюк есть трюк, Гена, – всадник улыбнулся, – тебе не понять... Тут ты правильно заметил.

– Ладно, ладно, – обиженно протянул Гена, – как-нибудь разберемся... Впрочем, старик, – он помахал перед собой воображаемой шляпой, – преклоняюсь. Могешь!..

Как учили! – всадник похлопал коня по холке.

Я за тобой, ничего не поделаешь... – Гена развел руками.

Уже понял, – всадник соскочил с коня, – сейчас переоденусь.

– Сойдет и так! – Гена открыл заднюю дверцу «Волги». – Тебя уж и так заждались...

Всадник погладил коня по крутому боку и внезапно так дико и заливисто свистнул, что Гена от неожиданности вздрогнул и тяжело осел на сидение. А конь, черной тенью чиркнув по траве, послушно унесся в долину, где возле декораций древнерусского городка галдела и кружилась золотая орда съемочной группы.

Глава 2. Официальная часть

(3 августа, 9 часов 17 минут)

В коридорах комитета появление всадника из двенадцатого века произвело неизгладимое впечатление. Его спутник, слегка поотстав, пожинал плоды достигнутого его хлопотами эффекта.

Много повидавшие и не привыкшие удивляться ни при каких обстоятельствах, сотрудники в недоумении застывали на месте, вылупив глаза на малахай, колчан со стрелами и кривую татарскую саблю, не узнавая за всей древнемонгольской экзотикой владельца, давно уже вышедшей из повседневного употребления, амуниции.

А всадник машинально здоровался с сослуживцами, называя их по имени и по отчеству, чем приводил их в еще большее недоумение.

– Геннадий Павлович, – с ноткой возмущения обратился к его сопровождающему пожилой мужчина, – кто ж это такой, в самом деле?

– Кто? – Гена подозрительно огляделся по сторонам и, нагнувшись к уху пожилого, таинственно зашептал. – Только между нами, Георгий Андреевич, договорились?

Пожилый сделал жест, мол, какие могут быть сомнения. После чего Гена еще раз огляделся и еще тише и таинственнее прошептал. – Вы что же, неужто не узнали? Вячеслав Владимирович Казанцев, собственной персоной, со спецзадания прибыли...

– А... – пожилой понимающе кивнул и собрался идти дальше, но Гена удержал его за рукав. – Следствие по делу золота Чингиз-хана! – зловещим шепотом выпалил он.

Тут, в конце концов, до Георгия Андреевича дошло, что его просто-напросто разыгрывают, и он, вырвав рукав, сердито зашагал по коридору. Гена поглядел ему вслед и довольный двинулся догонять Казанцева.

Их действительно ждали. Как только они вошли в приемную, к ним бросился молодой человек в новеньком с иголки костюме.

– Ждет! – конфиденциально шепнул он на ухо Гене. – Нашел?

– Ясно! – Гена самодовольно усмехнулся. – Фирма веников не вяжет, а если вяжет, то фирменные.

Молодой человек оглядел Казанцева и с сомнением покачал головой. Потом лихо махнув рукой, мол, где наша не пропадала, сказал:

– Входите!

Гена подтолкнул Казанцева к двери. Молодой человек услужливо распахнул ее. Ожидющие в приемной с удивлением следили за тем, как Гена с Казанцевым скрылись в кабинете.

– Товарищи, – официальным голосом объявил им молодой человек, осторожно закрыв за ними дверь, – Григорий Константинович занят. Он вас примет через два часа.

В большом кабинете, куда вошли Гена и Казанцев, никого не было. Гена огляделся и, подойдя к небольшому кожаному креслу в углу кабинета, удобно устроился в нем. Казанцев же, войдя в кабинет, снял малахай и, не зная, что делать дальше, вертел его в руках.

– Присаживайтесь! – предложил ему Гена. – Чувствуйте себя свободно, дорогой Вячеслав Владимирович! – видно было, что создавшаяся ситуация продолжает его развлекать. – Не желаете ли чего-нибудь выпить? Джин, виски, кумыс? Не стесняйтесь...

– Пошел ты!.. – огрызнулся Казанцев.

– Уже в пути! – отозвался Гена.

Казанцев не успел больше ничего сказать, поскольку тот же момент дверь в соседнюю комнату отворилась, и на пороге появился высокий плотный мужчина средних лет.

– Здравствуйте! – поздоровался он.

Гена подскочил и вытянулся, как будто и не сидел вовсе. Лицо его выразило высшую степень готовности выполнить любое задание в самые короткие сроки.

Казанцева появление хозяина кабинета так же не оставило равнодушным, он быстро напялил малахай на голову и постарался, насколько позволял его средневековый наряд, стать по стойке «смирно».

– Товарищ генерал... – начал он.

– Вольно, – усмехнувшись, кивнул генерал. – Вижу, что явились. Порочная тяга к нездоровым сенсациям, Казанцев, – он оглядел его с головы до ног, – проще надо деваться, проще... Нам излишнее внимание ни к чему.

– Так точно! – подтвердил Гена и вытянулся еще больше.

– Ну да, да... И вы здесь, Геннадий Павлович... – как будто только что заметив его, кивнул генерал. – Пошли, – генерал приоткрыл дверь, из-за которой только что появился.

Казанцев двинулся вслед за ним.

– Да, – генерал приостановился, – оружие можешь оставить здесь, оно тебе пока не понадобится... – он как-то печально усмехнулся и добавил, – ...хочется надеяться, что и дальше без него обойдешься...

Казанцев торопливо снял саблю и начал высвобождаться из сложного переплетения лука с перевязью колчана, но, очевидно, от волнения запутался. Гена тут же пришел к нему на помощь, но его вмешательства не потребовалось, так как Казанцев уже справился сам.

– Спасибо, старик! – прошептал он сквозь зубы. – Удружил! – и, кинув оружие Гене на руки, направился в соседнюю комнату.

– Шляпу и халатик сними... – ехидно посоветовал Гена, – во избежание нездорового ажиотажа...

– Ладно, и так сойдет! – жестко кинул Казанцев и, затянув потуже пояс, переступил порог.

В соседней комнате генерал уже сидел в кресле перед небольшим белым экраном. Рядом в таких же креслах сидели еще два человека. Их Казанцев видел впервые. Судя по их внешнему виду, к службе в комитете государственной безопасности они не имели никакого отношения.

– Здравствуйте, – поздоровался Казанцев.

Незнакомцы дружно кивнули.

– Вячеслав Казанцев! – представил его генерал. – Наш... гм... – генерал на мгновение задумался, как бы прикидывая как лучше сформулировать должность Казанцева или вернее статус, в котором ему предстоит выступить в предстоящем деле... – ... наш эксперт в некотором роде по нестандартным ситуациям... – генерал наконец подобрал подходящее на его взгляд определение. – Впрочем, я вам его уже заочно представил...

Две пары глаз недоверчиво оглядели Казанцева с головы в рыжем малахае до кончиков выгнутых монгольских сапог. Тот выдержал осмотр с каменной невозмутимостью достойной монгольского воина.

Генерал, взиравший на процедуру осмотра с нескрываемым удовольствием, сказал: – Ладно. К делу! – он нажал кнопку на небольшом пульте и в комнате тут же погас свет.

Вспыхнул экран. Изображение, возникшее на нем, было плохого качества, снятое кое-как и абсолютно не смонтированное. Было такое ощущение, что пленку склеили как попало, не стараясь выстроить логику событий. В первую очередь, очевидно, интересовали сами события.

Впрочем, сидящие в зале ничего нового для себя не увидели. Подобные кинокадры показывают по телевидению довольно часто: уличные бои, баррикады из перевернутых, покореженных машин, взрывы бомб, гранат, мин, слезоточивые газы, молодые люди с автоматами – прошивающие длинными очередями уличное пространство, разрушенные дома, трупы, сложенные у стен, женщина с убитым ребенком на руках, бегущие люди, расстрелы, бронетранспортеры, разьежающие по улицам...

Их можно было бы даже не переснимать заново, разве что перед показом обозначить на карте место действия – очередную «горячую» точку мира.

Экран погас, вновь зажегся свет. Какое-то время все молчали.

– Когда ты в последний раз видел Мухаммеда? – спросил у Казанцева генерал.

– Два года назад! – ответил Казанцев, вставая. – Разрешите вопрос, товарищ генерал? Задавай!

Хроника оттуда?

– Да, – кивнул генерал.

– Так... – Казанцев опустил глаза, желваки у него на скулах напряглись. – Как вы считаете, там сейчас очень опасно?

– Спроси что-нибудь полегче... – генерал вздохнул. – Судя по нашим данным, все достаточно серьезно, но они пока справляются...

– А как... – начал вопрос Казанцев и замолк. Генерал внимательно поглядел на него и сказал: – Жертв в правительстве пока нет... Семьи в президентском дворце под охраной...

Казанцев помолчал. Его никто не торопил.

– Когда все началось? – после паузы, спросил он.

– Пять дней тому назад, – ответил генерал. – Сейчас уже положение несколько стабилизировалось... – он встал и направился в свой кабинет.

Гена и незнакомцы пошли за ним. Казанцев еще постоял в раздумье, потом машинально похлопал себя по карманам в поисках сигарет и, не отыскав пачки, направился вслед за всеми. В кабинете гости с интересом разглядывали его вооружение. Младший из них даже вынул стрелу из колчана и начал прилаживать ее к луку. Он попробовал натянуть тетиву, но у него ничего не вышло.

– Да, – усмехнулся он, – Одиссея из меня не получится.

– Садитесь, товарищи! – увидев Казанцева на пороге, сказал генерал. – Давайте по делу.

Младший гость оставил в покое лук и подсел к столу. Гена примостился в облюбованном им кресле.

– Познакомьтесь, – генерал кивнул Казанцеву на старшего гостя, – Кривцов Юрий Николаевич – начальник восточного отдела Внешторга...

Казанцев кивнул.

– Прошу Вас, Юрий Николаевич! – генерал указал на стул напротив себя. – Будьте добры, изложите еще раз обстоятельства дела для товарища Казанцева.

Юрий Николаевич сел и раскрыл небольшую папку.

– Семнадцатого числа прошлого месяца из Ленинградского порта вышло судно «Красногорск», груз – нефтедобывающий и перерабатывающий комплекс. На общую сумму двадцать пять миллионов долларов. Ввиду сложного положения в стране-заказчице, судно должно было прибыть в Италию, где его примут их представители непосредственно на складе компании-посредницы, и ему надлежало оставаться там вплоть до нормализации обстановки. Двадцать седьмого груз был принят, акт подписан... А тридцатого мы получили запрос от своих деловых партнеров... – Юрий Николаевич, заметно волнуясь, достал из папки какую-то официальную бумагу со множеством печатей, – о нынешнем состоянии груза... Вылетевший в Италию товарищ Егоров, – Юрий Николаевич кивнул на второго гостя, – груза на складах компании не обнаружил, более того, прибывшие представители объявили, что по их сведениям груз туда вообще не поступал... Подпись на акте признана фальшивой... Таким образом, груз исчез... – Юрий Николаевич. – Да, еще одно, – сказал он после паузы, – вместе с грузом исчез сопровождающий его сотрудник – Земцов Валерий Александрович...

– Валера? – удивился Казанцев.

– Вы знакомы? – спросил Юрий Николаевич.

– Учились вместе...

– Мир тесен... – заметил Гена.

– Подведем итог! – вмешался в разговор генерал. – Итак, мы оказались перед проблемой отсутствия виновных, при полном отсутствии груза на двадцать пять миллионов, плюс исчезновение человека...

– Плюс переворот! – добавил Казанцев.

– Вот, вот, – кивнул генерал, – ухватываешь суть. Люди, получавшие груз, очевидно, были в курсе всех деталей путча, вплоть до точного числа и часа... И то, что аэродром будет захвачен в первую очередь, а стало быть, официальные представители будут лишены возможности вылететь принимать груз... – генерал замолчал, глядя в упор на Казанцева.

– Или тот, кто давал сигнал к путчу, специально приурочил его ко времени получения груза... – Казанцев задумался. – Оторвать куш в двадцать пять миллионов – это... – он многозначительно пошевелил пальцами в воздухе.

– И главное, без каких-либо следов... – заволновался Юрий Николаевич. – Ни местные власти, ни охрана... никто, ничего, ни сном, ни духом, как будто ничего и не было, просто испарилось...

Егоров хотел что-то возразить своему начальнику, но под его пристальным взглядом передумал.

– Ну, бесследно, положим, ничто не исчезает! – генерал потер подбородок. – А вот как следы найти, тут уж задача со многими неизвестными...

– Естественно, вам виднее, – согласился Юрий Николаевич, – мы к вам, собственно, потому и обратились, что искать следы в таких делах – входит в ваши непосредственные обязанности.

Возникла неловкая пауза, которую нарушил генерал.

– С их стороны, – официальным тоном произнес он, – делом исчезновения груза занимается полковник Али Надир-шах...

Казанцев удивленно поднял брови, но так ничего не сказал.

Генерал не дождавшись реакции Казанцева, повернулся к Гене и спросил: – Он уже в Италии?

– Так точно, товарищ генерал! – Гена умудрился даже сесть по стойке "смирно". – Со вчерашнего дня.

– Когда мне вылетать? – спросил Казанцев.

– Завтра в десять на Рим... – поспешно сообщил Гена. – Документы у Юрия Николаевича.

Юрий Николаевич засуетился, раскрыл вновь свою папку и начал оттуда доставать документы. – Вот ваш паспорт, командировка... Вы поедете в качестве нашего эксперта!

Казанцев вновь удивленно глянул на генерала. – А может лучше журналистом? – спросил он. – Со стороны виднее и на хвост не сразу сядут...

– Времени мало, – веско сказал генерал. – А поэтому хорошо, если сразу сядут на хвост, остальное дело Мухаммеда, – генерал глянул на листок, лежащий у него на столе, и что-то вычеркнув на нем, спросил у Гены. – В Италию о прибытии Казанцева сообщили?

– Во все возможные инстанции, откуда могла бы идти утечка! – доложил Гена.

– Хорошо! – генерал вычеркнул на листке еще одну строчку. – Нужна хоть какая-то зацепка...

– Ясно! Суетиться и лезть во все дела... – Казанцев усмехнулся. – Что ж, не привыкать...

– Умница! – одобрил генерал. – Именно, суетиться и лезть!

– Документацию и паспорта на исчезнувшее оборудование Вам завтра подвезет товарищ Егоров к самолету, – сказал Юрий Николаевич.

На чем, собственно говоря, совещание и закончилось. Гости поспешно стали прощаться. Юрий Николаевич, пожав руки генералу и Казанцеву, направился к выходу. Егоров ограни-

чился учтивым кивком головы. Гена пошел проводить их. Хозяин кабинета и Казанцев остались одни.

– Ну, как настроение? – задал вопрос генерал.

– Нормальное! – бодро ответил Казанцев.

– Ну, ну... – генерал выдвинул ящик стола и достал оттуда несколько листков отпечатанных на машинке. – Читай.

Казанцев присел к столу и углубился в чтение. Генерал внимательно наблюдал за выражением его лица, которое по мере прочтения становилось все озабоченнее.

– Это все? – спросил он, просмотрев последний листок.

– Чем богаты... – генерал развел руками.

– Бедность не порок! – Казанцев вздохнул. – Придется суетиться...

– В рамках закона, естественно... – добавил генерал. – Нам осложнения ни к чему.

– А когда было иначе? – усмехнулся Казанцев.

– Ты сколько отдыхал? – внезапно поинтересовался генерал.

– Дней десять...

– Не густо, – посочувствовал генерал, – одно утешение, посылаем-то тебя на Средиземное море, курорт, можно сказать, – пошутил он. – Тебе нравится Средиземное море?

– Смотря какой берег? На одном слишком шумно, на противоположном – слишком жарко.

Точнее не скажешь. Ну, успеха тебе! – генерал встал и протянул Казанцеву руку. – Задание – как раз по тебе. Ты же у нас, – генерал кивнул на лук и саблю, – удивительный мастер заниматься не своим делом...

Одно утешает, – отпарировал Казанцев, пожимая генеральскую руку, что лезть не в свое дело – чуть ли не наша национальная особенность... – он собрал в охапку свой допотопный реквизит и, торжественно откозыряв генералу, вышел из кабинета.

Глава 3. Неофициальная часть

(3 августа, 10 часов 56 минут)

Казанцев, держа оружие подмышкой, покинул здание комитета и направился к Гене, ожидавшему его возле черной «Волги».

– Товарищ Казанцев! – окликнули его.

Казанцев оглянулся.

Из белого «Мерседеса» вышел Егоров. – Извините, пожалуйста, – сказал он, подходя, – не могли бы вы уделить мне полчаса?..

Казанцев нерешительно оглянулся на ожидающую «Волгу», потом на свой костюм.

– Я вас подвезу! – перехватив его взгляд, поспешил заверить Егоров. – А поговорить можно и по дороге. Так что я у Вас, собственно говоря, совсем не отниму времени. – Егоров замолк, явно чувствуя себя не в своей тарелке.

Казанцев тоже не спешил с ответом, разглядывая его. На вид они с Егоровым были одногодками. Высокого роста, одет в добротный, дорогой костюм, красивое лицо.

Егоров же под взглядом Казанцева как-то ссутулился и даже стал ниже ростом, казалось, он уже сам был не рад, что обратился к нему. Однако видно было, что он не привык отступать с полдороги и, так как Казанцев по-прежнему молчал, решительно продолжил.

– Понимаете, вам моя информация может там пригодиться! – произнес он со значением, напирая на слово «там». – Вы, надеюсь, меня понимаете?

– Понимаю, – кивнул Казанцев. – Ладно! – решил он. – Раз ваша информация может пригодиться мне там... – Казанцев так же сделал упор на слове «там». – Гена, меня товарищ подбросит, так что ты можешь быть свободен.

– Слушаюсь! – Гена насмешливо помахал рукой. – Ни пуха! – пожелал он, влезая в «Волгу».

– К черту! – отозвался Казанцев.

«Волга» отъехала.

Казанцев вслед за Егоровым направился к «Мерседесу». Егоров открыл заднюю дверь и, взяв у Казанцева вооружение, сложил его на сидении.

– Прошу! – распахнул он перед ним переднюю дверцу.

Казанцев сел.

– Курите? – Егоров протянул пачку «Мальборо».

Закурили.

Было видно, что Егоров не знает с чего начать разговор.

– Меня зовут Виктор! – в конце концов представился он, считая, очевидно, что более короткое знакомство поможет делу.

– Слава! – в свою очередь представился Казанцев. Они обменялись рукопожатиями.

– Поехали? – предложил Казанцев.

– Да, да! – засуетился Егоров и тронулся с места.

Машина уже шла по Садовому кольцу, а Егоров все еще никак не мог начать разговор. Казанцев наконец решил прийти ему на помощь.

– Частное расследование? – понимающе спросил он.

Егоров кивнул и затаился.

– Видите ли, Слава, поверьте, я не собирался влезать не в свое дело, я понимаю, тут нужны профессионалы и все такое... – Егоров сбился с мысли и вновь замолчал.

Казанцев видимо понял, что если ему не помогать, то так никогда и не доберешься до сути, и, стараясь не обидеть Егорова, вежливо поинтересовался.

- Ну и что же Вам, Виктор, удалось выяснить?
- Видите ли, мне надлежало лишь официально удостовериться, что груза на самом деле нет, подписать протокол, ну, еще там ряд формальностей с их представителями в связи с форс-мажорными обстоятельствами и... так далее... Не в том проблема! – перебил Егоров сам себя.
- А в чем? – поинтересовался Казанцев.
- Есть там у них референт... Юсиф д'Анжерон.
- Как, как? – уже по-настоящему заинтересовался Казанцев.
- Слыхали? – обрадовался Егоров.
- «Д'Анжерон, Томпсон компарасьон». Французская фирма, – задумчиво начал Казанцев.
- Точно! – подтвердил Егоров. – Владелец – отец Юсифа.
- Ясно! – кивнул Казанцев. – Но компания же давно национализирована...
- Конечно. Но д'Анжерон после революции развелся с матерью Юсифа, и тот отрекся от отца, с тех пор никаких связей с ним не поддерживал... Юрист. Образование получил во Франции... – перечислял Егоров, как будто досье читал.
- И что же у вас вызвало подозрение? – перебил его Казанцев. – Дети, как известно, за родителей...
- Да нет! – Егоров с досадой отмахнулся. – Просто я сразу почувствовал, даже объяснить не могу как, если хотите, считайте, что сработало шестое чувство...
- Что же вам подсказало ваше шестое чувство? – нетерпеливо прервал этот поток слов Казанцев.
- Он наш груз видел! – выпалил Егоров.
- Так... – Казанцев задумался. – А откуда такая уверенность? Кроме шестого чувства, есть что-то конкретное?
- Понимаете, он о грузе говорил так... ну, по всем делам, не видя его, нужно бы знать о нем меньше, на самую малость, но меньше... И вот я его знание почувствовал и даже прямо в лицо сказал ему о нем...
- А он? – видно было, что Казанцев заинтересовался не на шутку. – Что он? – желваки на скулах у Егорова напряглись. – Такой спектакль устроил... Это, мол, оскорбление, кричал, мол, дружественная страна, национальное достоинство, я буду жаловаться вашему шефу.
- Вот тут-то вы начали суетиться и лезть в чужие дела? – рассмеялся Казанцев. – Или не сразу?
- Сразу! – сознался Егоров. – Уж больно он меня своим национальным достоинством достал.
- Хотели доказать, что вам его тоже не занимать? – Казанцев понимающе покивал. – И что сделали?
- Я пошел на склад компании, где должен был храниться груз до отправки... Там мне, конечно, сказали, что груз не поступал, мне удалось попасть в помещение склада... неофициально, естественно...
- Ну! – поторопил его Казанцев.
- Груз там был! – торжествующе заключил свой рассказ Егоров.
- И тут вы, конечно, сразу дали телеграмму в Совмин! – уже не скрывая иронии, сказал Казанцев.
- Да, – неуверенно кивнул Егоров, ирония Казанцева сразу сбила его с торжествующего тона. – А что бы вы сделали на моем месте?
- Я бы? – переспросил Казанцев. – Я бы помолился.
- В каком смысле? – недоумевая все сильнее, спросил Егоров.
- В прямом! В таких случаях молитва – единственное, что еще может как-то помочь, – ответил Казанцев.

Тут уже настала очередь Егорова иронизировать.

– Что ж в вашем учреждении и молитвой вас специальной снабжают? Ее всем можно знать или же она только для вашего узко-служебного пользования? – спросил он.

– Нет, она не является служебной тайной, так что могу поделиться на будущее, – предложил Казанцев.

– Валяйте! – согласился Егоров.

– Кстати, вы молитву эту могли и раньше слышать. Я лично вычитал ее у Курта Воннегута!..

Казанцев сделал паузу и вопросительно глянул на Егорова. Тот отрицательно покачал головой. Казанцев продолжил:

– Звучит она так: «Господи, дай мне душевный покой, чтобы принимать то, что я не могу изменить, мужественно изменять то, что могу, и мудрость – всегда отличать одно от другого!», – Казанцев умолк, не сводя глаз с Егорова.

Тот молча потащил из пачки сигарету и закурил.

– Вас, конечно, сразу отозвали! – нарушил молчание Казанцев.

– Да! – у Егорова на скулах вновь обозначились желваки. Эх, если бы я там остался хотя бы еще на сутки... – произнес он со злостью.

– Я вижу, молитва Вам не помогла... – заметил Казанцев. – Ладно, вернемся к нашим баранам: как вы попали на след?

– Мне помог один охранник. Его зовут Тино Джини или Джинини... Не помню... За день до того, как меня отозвали, его со склада уволили. Когда я узнавал, где он, мне сказали, что уволен за то, что он коммунист...

– Так прямо и сказали? – удивился Казанцев.

– Да!

– Вы его разыскивали на работе?

– Да, когда узнал, что меня отзывают, я думал, что возможно все-таки успею... – Егоров не закончил.

– И дальше что вы предприняли? – быстро спросил Казанцев.

– Я нашел его адрес, он живет на Пьяццале-Рома Ка, Фоскари 17. Но и дома я его не застал. Так и уехал. – Егоров тяжело вздохнул.

– Пьяццале Рома Ка, Фоскари 17... – машинально повторил Казанцев.

– Постойте, Виктор, но улочка, как мне кажется, в фешенебельном районе находится. Или я ошибаюсь?

– Нет, не ошибаетесь.

– Почему же простой охранник живет там? Вас это не удивило?

– Его родители очень богатые люди, но он с ними в ссоре по политическим соображениям, во всяком случае, он мне так сам говорил...

– Он что, и в самом деле коммунист?..

– Нет, скорее анархист: лет двадцати, очень красивый, волосы... – Егоров сделал неопределенный жест рукой. – Длинные, курчавые, очень черные... Да, когда я с ним познакомился, он был в каком-то невообразимом костюме, ну, вы знаете, что я имею в виду!..

– Догадываюсь! – кивнул Казанцев.

– Ну вот, я только потом узнал, что он охранник на складе, тогда я подумал что он... – продолжил свой рассказ Егоров.

– Кстати, как вы познакомились? – перебил его Казанцев.

– Он подсел ко мне в ресторане...

– Вам это не показалось странным?

– Конечно же, показалось, я вообще, если честно, сначала принял его за «голубого»... – Егоров смущенно усмехнулся.

– Почему? – удивился Казанцев.

– Ну... – Егоров задумался. – Наверно, в первую очередь, из-за его наряда, а потом длинные волосы и манеры какие-то...

– Не наши! – подсказал Казанцев.

Егоров усмехнулся.

– Вы правы. Именно: не наши. Но тогда я почему-то подумал, что он «голубой». А я в таких ситуациях, откровенно говоря, теряюсь, чувствую себя глупо: и по морде нельзя дать, а как по-хорошему отделаться – не знаешь... Но тут я сразу понял, что ошибся, как только он начал говорить про склад и про наш груз, в том смысле, что он там был. А потом и про генерального директора рассказал. Того самого, который мне официально заявил, что груз на их склады не поступал. Некий сеньор Минчели. Я так понял, что у Джино с ним свои счета... из-за девушки...

– Он что же, хотел подложить ему свинью? – понимающе спросил Казанцев.

– Точно. Как вы догадались? Он так и выразился «а'рогсо» – свинью... – обрадовался Егоров.

– А может быть эта «а'рогсо» предназначалась вам, дорогой товарищ Егоров? – поинтересовался он.

– Не знаю... – смутился Егоров. – Нет, не думаю! – после паузы, сказал он. – Он похож на честного парня...

– Несмотря на невообразимый костюм?

– Несмотря... – подтвердил Егоров. – Он меня предупредил, что за мной следят, что меня все принимают за вас!

– То есть, как за меня? – переспросил Казанцев.

– А так, он считал, что я агент КГБ, поэтому он и обратился ко мне. Потом он мне рассказал про генерального директора и про свою девушку... А ко мне он обратился не только потому, чтобы подложить свинью этой свинье генеральному директору, а потому что он за революцию, против зажавшихся буржуазных подонков, которые весь мир хотят подгрести себе под задницу...

Егоров не заметил, как начал изображать Тино, последнюю фразу он произнес с особенным запалом и для наглядности помахал рукой перед носом Казанцева. Возникла пауза. Егоров понял, что увлекся и весело рассмеялся. Казанцев тоже улыбнулся.

– Нас он тоже считает обуржуазившимися, хотя и уважает за то, что мы первыми подняли бучу... Он имеет в виду Великую Октябрьскую... – Егоров подмигнул. – А вообще он славный мальчик и начитанный. Говорит, что читал Савинкова, Сталина и Достоевского... В литературном смысле, Сталин ему понравился меньше всех, но мысли его ему близки...

– Я вижу, вы о многом успели поболтать... – задумчиво произнес Казанцев.

– Да нет, он мне все сразу, единым залпом выложил, вроде, как вещественные доказательства того, что он на моей стороне...

– Понятно... – Казанцев помолчал. – А за вами действительно следили? – спросил он после паузы. – Вы их заметили? Можете описать?

– Кажется, да! – Егоров сосредоточенно наморщил лоб. – Один высокий, в белом костюме, с тонюсенькими усиками, шляпу нервно так на глаза надвигает, это у него, вроде, как тик, – оглянется по сторонам и надвинет. Походка у него вихлястая, идет как будто немного боком... Он мне то и дело на дороге попадался... Как будто нарочно глаза мозолил... Другой, тот пореже маячил и вообще не очень любил двигаться – все время в кафе за столиком напротив моей гостиницы сидел. Очень большой, смуглый, волосы жесткие, кучерявые, при ходьбе сильно сутулятся и, как танк, прет напролом... Одним словом, боксер-тяжеловес...

Машина подъехала к дому на набережной Москва-реки.

– Сюда? – спросил Егоров.

– Да, да... Спасибо, Виктор... Я думаю, что если бы вас не отозвали, вы бы еще многое раскопали... Если бы... – он не закончил фразу и, открыв дверь, вышел из машины.

– Если бы меня не остановили? – закончил за него Егоров.

Казанцев открыл заднюю дверцу и, достав свое оружие, сказал: – По части «останавливать» они настырнее даже наших «гаишников»!

– А как же вы? – поинтересовался Егоров.

– Мы? А так же, как и вы, – при встрече с автоинспектором: либо удираем, либо приходится платить...

Егоров, очевидно, представив себе «штрафы», которые приходилось платить Казанцеву, покачал головой и ничего не сказал.

– До завтра! – кивнул ему Слава. – Еще раз спасибо! – он направился к подъезду, но вдруг остановился и вернулся назад. – Кстати, о костюмах: в Чили на стадионе ребята и не в таких были, нашим доморощенным панкам, делать нечего... И коммунисты, и некоммунисты...

– Вы там были? – с уважением спросил Егоров.

– Рассказывали... – Казанцев махнул на прощание рукой и пошел к подъезду, слегка прихрамывая в тесных монгольских сапогах с узкими, задранными вверх носками.

Глава 4. Казанцев

(3 августа. От 7 часов утра до 11.45 дня)

Алик – дурак, но дружить только с умными – скучно. Мариша – прелесть, но три месяца подряд спасать с прелестью – взвоешь. Кино – утомительная штука, но надо же как-то отдыхать, когда ты в отпуске...

Так что Генка явился вовремя. Можно сказать, в самый раз явился. Кстати, почему именно его всегда за мною посылают? А? Очевидно, потому что пока он меня довозит до места, так успеваешь разозлиться, что я становлюсь опасным, и меня тут же спускают на врага, – Фас, Славик, фас!..

И, главное, я каждый раз поддаюсь на его гнусные подначки. Вот и сегодня все баки забил. Чего стоило переодеться, три минуты... Ничего, Славочка, злее будем... Чего это он там Георгию на уши навешивает? Георгий мужик тупой и злопамятный. И по тупости зло помнит не тем, кому надо... Ну, так и есть, чего-то ему опять Генка напел, так его всего перекосило, а бочку он снова на меня покатает, как на прошлом партсобрании.

С Генкой связываться, небось, не станет, знает, чей он зять... А на меня, конечно, можно, ничей я не зять и вообще не женатый... Хотя, судя по всему, на следующем партсобрании я не побываю. Его на четверг назначили, а я самое позднее завтра...

А с чего ты взял?

А так просто меня еще ни разу не выдергивали... Значит, тю-тю... Интересно, куда? А какая разница? Все равно, могу спорить, там будет жарко. Как в Сочи... Ты бы хотел в Сочи? Вчера грозился Марише увезти...

Вот паскуда Генка, еще зубы скалит... А Василек, смотри, как холуек вытянулся, суетится, гаденьши, видно и впрямь, припекло им тут, без очереди меня к шефу, как министра культуры...

Ну и кабинет у шефа, в пору на мотоцикле прокатиться, каждый раз, как сюда попадаю, почему-то думаю – поместилась бы в него площадь перед комитетом вместе с памятником или нет...

А Генка в кресле развалился, как у себя дома перед «видеоником», и меня как «порнуху» рассматривает. Я вот так не могу... Нахальства что ли не хватает?.. Вскочил! Здорово он умеет мимикрировать, вид у него такой, как будто всю жизнь по стойке «смирно» стоял...

Но, надо сказать, что и у меня не лучше... В чем тут секрет, убей – не знаю... Я же не трус, я же в таких «мясорубках» крутился, что Господи... Я же сам про себя все знаю, не играло у меня «очко», чего мне перед собой вола крутить – нормально работал, не суетился, «лица не терял»... А тут, как окунь на сковородке, верчусь и подпрыгиваю... В генах у меня что ли, страх перед начальством?

Вот Генка шефа в гробу видал... И вытянулся, гад, в струнку, и при этом выгнуться верноподданно умудрился, а мандража – нет... Даже улыбочка в углах рта паскудная, мол, тоже мне «Большой Босс»... Может, и мне в конечном итоге чьим-то зятем заделаться? Все не соберусь себе тестя поувесистей подобрать...

Вот у Мариши, например, папаша директор картины на «Ленфильме» – это для шефа не фигура... Так что пролетаете вы, Марина Николаевна, или пусть вас член ЦК удочеряет, или нам с вами не по дороге...

А у шефа, видать, забот полная пазуха... Это что ли из-за этих двоих он так потеет... По виду, вроде бы, не должен... Так себе «торгаши» средней руки... Что-то там не так... Ага, опять где-то началось... Недосмотрели что ли или ситуация под контролем?.. Где же это?..

Пленка хреновая... хотя все они... как по одному сценарию... И по оружию не поймешь... везде либо наше, либо американское...

Так... Мог бы и догадаться... К тому же все шло... Значит у «Мухи»... Что с Аленой?.. Но ведь ждали же... А Алена?.. Спросить?.. В горло как стекло толченное напихали... не голос у тебя, Славочка, а дверь скрипучая...

Шеф, молодец, понял... Успокоил, благодетель... Пять дней уже там гулеванят... Закурить бы... Где-то у меня же были сигареты...

А эти двое так и есть «торгаши», наметанный у вас глаз, товарищ Казанцев... а они-то тут при чем?.. Ага, сейчас они все для меня доложат... Персонально!.. Так... так... занятно... Класная афера... только мы тут при чем?

Ну, двадцать пять миллионов конечно не фунт изюму, но наши «торгаши» и не такие суммы на хлеб просаживают... А тут вдруг крыльями захлопали...

И Валерка Земцов при чем здесь?.. Ему-то какое дело до нефтедобывающего комплекса, он же совсем по другому ведомству сопровождающий... А может, что-то там у него не сладилось?.. Поменял профиль?.. Что-то тут не так...

Ладочки, в конце концов, это не мое дело... Прикажут – поедем... Задание есть задание... Чего они так кипятятся все-таки?..

Ага, а стой стороны, стало быть, «Муха» подключился... Полковник... Конечно три пуща за четыре года, так и генералом можно стать, не то что у нас – тишь, гладь и божья благодать... Потому не звание у тебя, дорогой товарищ Казанцев, а одно название...

Впрочем, не завидуй, Славочка, не завидуй... Судя по всему, раздобудешь ты этим дяденькам назад их вещички и тебе внеочередное звание присвоят и еще какую-нибудь бляшечку на грудочку повесят... И может даже отпуск догулять позволят, если конечно в больничку не попадешь... а то и вообще...

Отставить, товарищ Казанцев, мы так не договаривались, с такими мыслями на задание не ходят. Мысли должны быть бодрые, оптимистические, патристические выдержанные...

Значит так, похоже, завтра я уже буду в Италии! Интересная у вас жизнь, уважаемый товарищ Казанцев! Тс-с! Не надо фамилий!.. Нас знают только в лицо... А еще лучше, чтобы и в лицо не знали...

Хотя нет, по условиям нынешней игры – не получается. Чтоб не знали – никак не получится, все должно быть с точностью до наоборот – и по фамилии знать должны, и в лицо, и по приметам: размер обуви, размер воротника, размер шляпы, размер... одним словом, всего прочего...

Чтоб, не дай Бог, не пропустили...

Опять ты, Славочка, «подсадочкой» поедешь... Будешь вести красивую жизнь на глазах заинтересованных лиц...

Так, а вот и справочный материал наконец... Так, так, так... Почему с каждым разом его все меньше и меньше становится? Хуже работать стали ребята? А может, мне больше доверять начали? Мол, такой профессионал, как Казанцев, и без этой ерунды обойдется... Что ж, если говорить честно, я, и вправду, без такой-то ерунды точно обойдусь...

Тем более, как говорит шеф, еду все-таки не на Соловки, а на Средиземное море... Ладно, пора сматываться, а то, того и гляди, мне эту поездку еще заставят оплатить, как туристическую...

Ну, вещи в охапку и дай Бог ноги... Смотри, Геночка у подъезда маячит, а ведь мог бы и смотаться, с него станется... Ищи такси в таком виде... Мерси, зятек...

А это еще кто? А, это, как же его, Егоров, если не ошибаюсь... «Тачка» у него клевая. За что люблю «торгашей», так это за их «упакованность»... Сразу его видно и вычислять не нужно... С первого взгляда ему статей пять Уголовного кодекса можно припаять, не оши-

бешься... Вот ведь парадокс, а там, куда я еду, он за все бы свои проделки добропорядочнейшим гражданином считался, образцом можно сказать, ударником капиталистического труда... Ну, не завидуй, Славочка, не завидуй, Богу – богово, кесарю – кесарево... А ты, Славочка, кто? Ты – Бог! Или как Бог, дело свое туго знаешь – и радуйся! Ты ведь с ним бы не поменялся? Не поменялся! Так что слюни подтянуть и вперед – за работу!

Парень хочет дать информацию? Отлично! Сейчас небрежным жестом отпустим Геночку, пускай катится на своей занюханной «Волге», мы в его благодеяниях не нуждаемся, за нами на «Мерседесе» заехали... Геночка увял и слинял... Всякие пожелания высказал, что ж и я его послал – давно хотелось...

Закурили, познакомились, поехали...

Хорошие сигареты «Мальборо», я, правда, предпочитаю «Кэмэл», но и эти сойдут... Чего это со мной? Расслабился и чуть не задремал... Что это парень никак не разродится?.. Ну, влез он там во что-то, не терпится ему свой героизм кому-то продемонстрировать, тем более от начальства ему уже, небось, по шеем насовали... Ну и пусть бы перед женою хвост распускал или перед «телкой» какой-нибудь, у него их, судя по «Мерседесу» навалом... Ну, не завидуй, тебе же сказано русским языком... А какого черта я все это должен выслушивать?.. Ну и не слушал бы, сел к Генке в «Волгу» и катил бы себе молча... Не, с Генкой молча не вышло бы, а от него и так тошнит... Лучшие уж этот... Ну, давай, давай, козлик, рожай!..

– Частное расследование? – спрашиваю, это чтобы образованность свою показать и с мертвой точки его сдвинуть... Ну, все-таки прорвало... И понесло!

Так, так, так... Вот это уже настоящий справочный материал... И в самом деле, любим мы не своим делом заниматься... И что интересно, не свое у нас как-то лучше выходит... Не у всех, слава Богу, Славочка, не у всех, у тебя и свое ничего себе иногда получается... Тьфу, тьфу, не сглазить...

А с Юсифом это он лихо и генерального зацепил... Может, он везунчик этот Егоров? Или ему этого Тино вовремя подсунули? Непохоже... То, что его за одного из наших приняли – это бред... Если бы вот так ты, товарищ Казанцев, мог изобразить «торгаша» цены бы тебе не было, за тебя бы КГБ с ЦРУ и «Интележенс Сервис» с «Моссадом» передрались, бешенные миллионы мог бы огрести... Нет, с нами его не спутали, но, может быть, вот на этот разговорчик они рассчитывали? Тот же чепуха! Что он им дает? Что я Тино буду искать? Буду! Еще как буду! У меня задание такое – глаза им мозолить... Так что за Тино – мерси, товарищ Егоров! И вообще – мерси! В общем-то – неплохой ты парень... Смотри, и хвост заметил... Не всех конечно, но двоих классно «сфотографировал» – старался, сам собой доволен... Ну что ж, молодец... Только угрожать его могли, за милую душу... Жалко было бы... Ну, ладочки, пронесло, а он, дурочка, счастья своего не понимает, хорохорится, жалеет, что еще денек там не погеройствовал...

Ну, врезал я ему под занавес на будущее, мало ли еще во что он влезет... Да, с воображением у него порядок, хоть и задним числом, а дошло – вспотел мальчик...

Вещички забрал и в норку, но тут что-то во мне щелкнуло и не утерпел еще про Чили выпендрился, за язык меня тянули что ли... Может, устал не ко времени?.. И сапоги жмут, чтоб им пусто было...

Глава 5. Сцена прощания

(3 августа. 11.52 – вечер)

В квартире царил разгром, казавшийся непоправимым. Самые неожиданные вещи были разбросаны повсюду. В квартире произошел либо тайфун, либо обыск. На пороге Казанцев споткнулся о дорогой японский двухкассетник. Чертыхнувшись, он поднял его и нажал клавишу.

– Гуд бай, май лав, гуд бай... – пропел Демис Руссос.

– А так же гуд мониторинг, гуд дэй, и, наконец, гуд найт... – продолжил слегка хриплый мужской голос. Послышался женский смех.

– Тихо! – потребовал мужчина. – Не мешай мне произносить тронную речь... В динамике опять хихикнули.

– Итак, май френд, май дарлинг и, в конечном итоге, достопочтимый сэръ Казанцев! Это было упоительно... Ведь правда, это было упоительно? Ну, скажи же ему, дарлинг! – потребовал мужской голос.

– Йес! – сквозь смех отозвался женский.

– Она в восторге! – прокомментировал мужчина. – Извини за разгром... Рука не поднимается тратить эти упоительные мгновения на уборку... Ты нас поймешь и простишь... Ключи будут сданы, согласно договоренности, упоительной соседке Верочке...

В динамике послышался шлепок.

– Ой, ё, ей! – взвыл мужчина. – Прости, старик, оговорился, соседка, прямо скажем, довольно средненькая, к следующему приезду обзаведись более сексапильной... Остаюсь всегда твой Стае Приходько, эсквайр... – динамик еще раз хихикнул, и Руссос продолжил свое пенье.

Казанцев остановил пленку, поставил магнитофон на стол, подошел к телевизору и включил его. Потом направился в ванну, где разгром был особенно ощутим, и открыл оба крана на полную мощность.

Далее его действия напоминали работу уборочного автомата. Он шел по квартире, методично приводя все в порядок, не пропуская ни одного квадратного сантиметра ее жилой площади. Вещи под его руками обретали свои исконные места. Остатки разгрома испарялись, как дым в открытое окно.

Делал он это все машинально, с отсутствующим лицом, зло бормоча себе под нос:

– Стас Приходько, эсквайр... со своей... дарлинг, прости Господи... Юсиф д'Анжерон – сын «Анжерон, Томпсон компарасьон», Тино Джини или Джанини... тоже чей-то сын... Чей же он сын? Ага, богатых родителей... Пьяццале Рома, Ка Фоскари 17... со своей девушкой... и генеральным любовником... У полковника Надир-шаха папа шейх... простой такой шейх... весь в белом... и жена Алена... Хорошенькая компания подбирается...

Под конец он помыл посуду. Больше делать было нечего.

Он вернулся в комнату. Поле боя было убрано. Казанцев еще раз огляделся по сторонам, порядок был идеальным. Взгляд его натолкнулся на телевизор, который он включил, как только вошел. Телевизор работал, но, как оказалось, звук был выключен. Он подошел и покрутил ручку громкости.

– ...продолжались уличные бои... – громко сказал диктор. – Правительство заявило протест против вмешательства Израиля и Соединенных Штатов Америки во внутренние дела страны. Как сообщает наш корреспондент, на территории Ирана продолжают формироваться соединения, которые в любой момент могут быть введены в бой...

Изображение и тут было нечетким, видно было, что кадры сняты впопыхах, с неудобного положения: танки, разрушенные кварталы, баррикады, опрокинутые и горящие автомобили, бегущие и стреляющие люди...

– Вчера сторонниками генерала Поджеи было захвачено здание парламента, которое стало центром сосредоточения террористов. Верные правительству войска Национальной гвардии стойко отражают все попытки террористов прорваться к жизненно-важным объектам столицы... На экране телевизора появилась карта Южной Америки.

– Сальвадор... – объявил диктор. – Продолжается разоружение отрядов «контрас»... Продолжается забастовка государственных служащих, они требуют подтверждения своих привилегий. Президент Сальвадора Виолетта Чомора еще раз призвала к национальному объединению и сохранению спокойствия...

Казанцев включил пылесос и принялся методично пылесосить ковер.

– В ЮАР продолжаются столкновения на межнациональной почве... Нельсон Мандела обвинил в беспорядках правые силы...

– Груза на складах компании не обнаружили, – вдруг громко сказал Казанцев, – но он там был!.. Во всяком случае, мон шер Егоров в сем абсолютно уверен... Груз исчез, а вместе с ним исчез сопровождающий...

– Последней жертвой репрессивных действий стала 14-летняя Джули Левингстон... – бодро произнес диктор.

– Последней жертвой... – машинально повторил Казанцев. – Земцов Валерий Александрович, 1955 года рождения, русский, женат, двое детей...

– Афганистан! – объявил диктор. – Продолжаются операции по ликвидации контрреволюционных банд, забрасываемых на территорию Афганистана из-за границы. Как сообщает агентство Бахтар, одна из них разгромлена в уезде Кишим провинции Бадахшан на северо-востоке страны. У бандитов, занимавшихся грабежами и терроризировавшими мирное население, изъято оружие пакистанского и китайского производства.

– Оружие... – Казанцев задумался. – Оружие... Все может быть... Тогда другой расклад... Какой расклад? Один с усиками, походка вихлястая, другой – боксер-тяжеловес... – Казанцев выключил пылесос, быстро разобрал его и упаковал в коробку. – Все! – громко сказал он, так что эхо прокатилось по убранной квартире. – Надо отключиться!

Он встал на пороге и внимательно оглядывал квартиру. Она приобрела какой-то нежилой, выставочный вид. Экспозиция «Квартира для одинокого интеллигентного мужчины средних лет»...

– ... и о погоде... – сказал диктор. – Завтра в Москве и Московской области ожидается ясная теплая погода...

– Летняя! – подвел итог Казанцев и отправился в ванну. – Расслабиться, расслабиться! – приказал себе Казанцев, как только окунулся в ванну. Он закрыл глаза. – Я не чувствую мизинца на моей левой ноге, не чувствую всю ногу... – шептал он привычную формулу. – Не чувствую всю левую часть туловища: живот, грудь, плечо, руку... Не чувствую мизинца на правой ноге, правую ногу, всю правую часть... Мое тело существует помимо меня... Оно растворяется в воде, я его больше не чувствую... Голова светлая и ясная... Я слышу музыку, тихую, красивую музыку... Она похожа на шум весенней листвы...

Все перед глазами Казанцева пошло разноцветными кругами...

Над головой шелестела овальная березовая зелень. Ее шелест сливался с тихой музыкой, в которой флейта переплеталась с журчанием ручья. Мелодия была знакомой, если бы напрячься, он бы даже смог назвать композитора. Но напрягаться не хотелось. Хотелось еще больше расслабиться и ни о чем не думать. Не тревожиться, не переживать. Все так далеко, по другую сторону стекла... Что это за стекло?.. Это линза... Экран телевизора... Там что-то происходит, что-то происходит, что-то страшное... Но какое ему до этого дело? Это далеко...

– Расслабиться! – шептал Казанцев. – Никаких мрачных мыслей. Все мысли светлые и ясные...

Лицо Алены склонилось над ним. Почти вплотную приблизились глаза. Они танцевали около костра в зеленом березовом лесу. Под тихую красивую музыку, доносившуюся из двухкассетника. Где-то рядом журчал ручей... Ручей по-немецки «бах»... Но музыка не Баха, он это знал точно... Музыка совсем другого композитора... Стоит только напрячься... Но напрягаться нельзя. Нужно расслабиться...

– Расслабиться! Расслабиться! – стучало в мозгу. В светлом спортивном зале солнце лупит во все окна, его лучи, как клинки рапир, скрещиваются и мельчайшие пылинки кружатся в них. Вся в белом в этих лучах, как в свете прожекторов, кружится Алена. Движения замедленные плавные.

– Солнечная энергия заполняет каждую клеточку моего тела... – шепчет Казанцев.

До чего же знакомая музыка... Как она торжественно звучит... И Алена вся в белом... Может это ее свадьба? Но почему же она в спортивном кимоно? И «Муха» тоже весь в белом, ему так положено, у него же папа шейх...

– Солнечная энергия заполняет каждый сосуд, капилляр, все мои внутренние органы... – музыка становится все громче и торжественнее. – Я силен, энергичен, я готов к работе...

– Работать, работать!..

Чей же это голос? Раздается как с неба, как глас Господа нашего. – Работать, работать! – это голос Валентина Петровича – тренера.

Черные перчатки бьются в лицо, как штормовые волны о берег. – Работать, работать! – гремит голос. Вслед за штормом приходит туман и застилает глаза. Что это соленое на губах? Морская вода?... Кровь...

...Один очень большой, черный, сутулится при ходьбе... Внешне, боксер-тяжеловес...

– Работать, работать! – удар сбивает с ног. – Встать! Раз, два, три... Встать! – падает ваза. Скатерть сползает со стола, летят на пол посуда, еда, бутылки. Что это на белой скатерти? Кровь или вино? – Встать! Четыре, пять, шесть... – опять в комнатах полный разгром: мусор, осколки, перевернутая мебель...

– Господи! – думает Казанцев. – Опять беспорядок. Когда это кончится?

– Встать! – голос гудит, как колокол. Опять удар. Вспышка. Медленно возвращается сознание. Чья-то огромная сутулая спина, не спеша, смещается в сторону. На ее месте возникает размытое лицо с тонюсенькой ниточкой усов. Рот с яркими губами ощерился в улыбке, гнусной, гнилозубой усмешке. – Работать, работать! – требует голос.

– Ничего... – шепчет Казанцев. – Сейчас... я уйду... только соберусь...

– Семь, восемь... – продолжается счет.

– Ну вот, я уже ушел... – радуется Казанцев. – Спрятался... Тут не найдут... Расслабиться... Все неприятности, горести, заботы – далеко... Там, за толстой линзой телевизора... Это меня не касается... я забываю о них...

Где-то далеко, в разгромленной квартире суетятся в поисках его те двое: ищут добросовестно, заглядывая повсюду, звенят посудой, включают магнитофон, передвигают мебель...

Но вот один из них наконец догадывается где он. Рывком отворив дверь в ванну, преследователь вытягивает вперед руку с жутким, суживающимся на конце пистолетом.

– Вот он где! – радостно орет бандит и стреляет...

Казанцев вздрогнул и открыл глаза.

На пороге ванной, держа перед собой только что открытую бутылку шампанского, стоял высокий заросший бородой мужчина в кожаной куртке.

– Славочка, генацвале, а мы тебя везде ищем! – хохоча, начал он. – Весь город перерыли. Куда пропал, татарский князь? – А, это ты... – вздохнул Казанцев, окончательно приходя в себя. – Я сейчас...

– Давай, давай, дорогой, мы тебя все ждем... – Мужчина приоткрыл дверь. Оттуда донеслись звуки музыки, гул голосов, звон расставляемой посуды. – Мы прямо со съемки к тебе! Все голодные, как звери... Давай, давай быстрее, а то с голоду умрем! – он подмигнул и вышел, захлопнув за собой дверь. – Он здесь, – донесся его голос из коридора, – я его застукала ванне. Мариша, не беги, спину я ему уже вымыл...

Казанцев вновь тяжело вздохнул и, резким движением выскользнув из воды, встал на ноги. Открыв холодную воду на полную мощность, он переключил смеситель на душ и подставил лицо под ледяные струи.

Когда он появился на пороге гостиной, никто на него особого внимания не обратил. Все были увлечены своими делами и только бородатый, оторвался от книжки, которую он лениво пролистывал, и молча указал ему на полный бокал.

Казанцев так же молча сел напротив, но пить не стал. Всего в комнате было человек шесть. Судя по звукам, доносившимся из кухни, там тоже было полно народу.

– Пей! – сказал бородатый. – Сейчас принесут поесть...

Парень с девушкой, топтавшиеся под музыку посреди комнаты, поцеловались. Бородатый посмотрел на них и неодобрительно покачал головой. – Почему, когда мы влюбляемся, мы глупеем? – спросил он.

– Ну, тебе это не грозит, Алик... – неопределенно отозвался Казанцев.

– Ты думаешь, что я уже не влюблюсь? – заволновался Алик.

Казанцев пожал плечами. Алик допил свой бокал и налил его вновь.

– Самое время, – сказал он, – выпить за прекрасных, тем не менее, присутствующих тут дам... – он поднял бокал и посмотрел в сторону девушки, которая ожесточенно трясла маленький стаканчик.

Прикусив губу и зажмурив глаза, она выбросила на полированную поверхность журнального столика несколько кубиков. Потом посидела какое-то время, не открывая глаз, глубоко вздохнула, как перед прыжком в воду, и наконец осмелилась поглядеть на выкинутую комбинацию. Судя по ее реакции, та ни к черту не годилась. Девушка, обиженно надув губы, протянула стаканчик своему партнеру.

Тот сгреб в него кости и, нажав кнопку на шахматных часах, стоящих тут же на столике, в свою очередь начал трясти стаканчик. Этот блиц-турнир судил подстриженный бобриком человек средних лет тоже в кожаной куртке и со свистком в зубах. Он взгромоздился на стремянку и изображал из себя волейбольного судью, то и дело посвистывая в свой свисток.

– Мы со Славиком пьем за тебя, Мариша! – сказал Алик и позвенел своим бокалом о полный бокал Казанцева. – Неужели ты и за Маришу, генацвале, не выпьешь? – спросил он.

Казанцев молча взял бокал. Но Мариша даже не посмотрела в их сторону, она, не отрываясь, следила за действиями своего партнера. Тот спокойно и уверенно выбросил кости и, удовлетворенно усмехнувшись, записал в таблицу еще одну комбинацию.

Алик выпил шампанское и спросил:

– У тебя что-то случилось?

– Уезжаю... – Слава медленно отпил из бокала.

– Когда? – Алик вскочил.

– Не шуми, Алик!.. – Казанцев схватил его за руку и насильно усадил на место. Алик тяжело опустился на стул.

– Надолго? – кислым голосом спросил он.

– Кто его знает... – Слава усмехнулся. – Будем надеяться на лучшее...

– Только это и остается... – Алик допил свой бокал и вновь потянулся за бутылкой. – Закон подлости... Только начало что-то получаться... – громко сказал он. – Не везет мне, генацвале!..

– А кому везет? – отозвалась Мариша, разглядывая результат своего последнего броска. – Только нашей славной администрации... – она сердито поглядела на своего партнера. – А художники всегда помирают нищими. Казанцев, – окликнула она Славу, – почему гениальным художникам всегда не везет. И художницам? Скажите, Слава, вы же у нас все знаете!

– Мариша, – откликнулся Казанцев, – я знаю далеко не все... Я, например, не знаю главного – что со мною будет завтра...

– Ну, – Мариша капризно надула губы, играя маленькую избалованную девочку, – этого, Казанцев, не знает никто...

– Так зачем же переживать? – спросил Слава. – Может вот именно завтра и повезет... Я лично только на это каждый день надеюсь... Понимаешь, Мариша, больше мне надеяться не на что...

Девушка удивленно посмотрела на него. В этот момент ее партнер выбросил очередную комбинацию и нажал кнопку на часах.

Мариша нервно собрала кости в стаканчик и, не отводя взгляда от Казанцева, энергично затрясла его.

– Что с тобой? – тихо спросил Славу Алик.

– Я в порядке... – так же тихо отозвался тот. Алик с сомнением покачал головой.

– Тебе обязательно ехать, генацвале? – спросил он. – Давай сделаем тебе больничный. У меня, дорогой, есть врачиха, сладкая женщина, она для меня тебе больничный хоть на месяц даст...

Казанцев усмехнулся, ласково потрепал Алика по плечу и, не сказав больше ни слова, отошел к Марише.

– Понимаешь, – сказал он, подойдя, – но надеяться только на везение тоже нельзя. Больше всего нужно надеяться на самого себя. Только на самого себя... – он взял у нее из рук стаканчик с костями. – Шестерки! – объявил он и метнул кости. Шесть шестерок легли на стол. Не глядя, ловким движением он смел кости назад в стаканчик, тряхнул его и сказал:

– Двойки!

Шесть двоек легли вместе.

Мариша взвизгнула от восторга. Алик поднялся и подошел к ним поближе. Парень и девушка прервали свой танец и тоже уставились на Казанцева. Слава медленно собрал кубики и, чувствуя всеобщее внимание, начал трясти стаканчик с ужимками циркового фокусника. Все затаили дыхание.

– Стрит! – объявил он и перевернул стаканчик дном кверху. Возникла пауза. Он не торопился его поднимать.

– Ну! – не выдержала Мариша.

– Давай, дорогой! – умоляюще попросил Алик. Бокал у него в руках дрожал, и вино расплескивалось на ковер.

Казанцев поднял стаканчик. На кубиках были цифры от единицы до шестерки.

– Стрит... – выдохнула Мариша.

Ее партнер судорожно начал чесать маленькую проплешинку на темени. Казанцев поставил перед ним стаканчик и сказал: – И так далее, Павел Аркадьевич... Может, сыграем?

– Нет уж... – дрогнувшим голосом сказал Павел Аркадьевич, – ... с профессионалами пока еще не решаюсь... Пардон! – он встал и вышел из комнаты.

Было слышно, как открылась и захлопнулась за ним дверь туалета.

Парень на стремянке засвистел изо всех сил и объявил:

– Аут! В связи с мандражем представителя административного большинства победа присуждается Вячеславу Казанцеву, Советский Союз!..

Казанцев открыл дверь и вышел на балкон. Мариша выбежала за ним. – Но ведь это же и есть везение, Казанцев! – крикнула она. – А везению нельзя научиться...

– Да, – устало согласился Слава, – нельзя. Но нужно уметь почувствовать, когда оно кончилось и больше на него не надеяться...

Глава 6. Казанцев

(4 августа. 3.47 утра)

... И тут я понял, что пора переходить на итальянский.

– Оривидерчи, любимая... – сказал я...

Глава 7. Знакомство на высоком уровне

(11 тысяч над уровнем Европы. 4 августа. С 7.40 московского времени до 8.55 среднеевропейского)

Самолет оторвался от земли. Под крылом промелькнула Москва и тут же скрылась за пеленой тумана. Набирая высоту, самолет уходил все дальше на юг.

Казанцев, как только опустился в кресло, сразу задремал. Проснулся он уже, когда самолет, пожалуй, пересек границу. Из-под опущенных ресниц поглядел на соседа, тот сел рядом, когда Слава уже задремал.

Сосед был толстым пожилым. То и дело поправляя большие роговые очки на толстом носу, он сосредоточенно просматривал газеты на разных языках, которых у него была целая кипа, и делая в них пометки красным карандашом. Читая, он то и дело крутил головой и цокал языком. Заметив, что Казанцев проснулся, сосед тут же повернулся к нему и довольно громко сказал:

– Безумие! – очевидно информация, накопленная им в процессе прочтения газет, давно уже переполняла его, и он с вожделием ждал мига пробуждения своего соседа. – Форменное безумие! – он хлопнул ладонью по стопке газет. – Это же уму непостижимо! – мужчина сделал паузу, видимо ожидая реакции Казанцева.

Слава на всякий случай сочувственно покивал. Так сразу со сна включиться в переживания соседа он не мог, поэтому его реакция показалась тому несколько вялой, и он тут же задал риторический вопрос в лоб:

– Как Вам это нравится?

– Что именно? – осторожно поинтересовался Слава.

– Все! – категорически заявил сосед и вновь похлопал пухлой ладонью по газетам.

Тут Казанцев не нашелся, что ответить, он только беспомощно на всю ширину, позволяющую узким межкресельным пространством, развел руками.

– Мне нравится эта наша защищенность... – сосед так резко вступил в полемику, как будто вместо неопределенного жеста Казанцев высказал целый ряд жестко аргументированных возражений. – Мы мгновенно ко всему привыкаем. Мир будет рушиться, будут убивать лучших его сынов, попирают святые основы, а люди по-прежнему станут бляеть, как бараны на бойне, что так, мол, было всегда, что это просто присуще природе человеческой!.. – он гневно потряс пачкой газет, как Ленин кепкой на митинге.

Сейчас сунет палец за прорезь жилета, с усмешкой подумал Казанцев.

Сосед, как будто подслушав его мысли, так и сделал и, не замечая своей «ленинской» позы, продолжал:

– А мир уже рушится, а они блеют, блеют без конца и воняют от страха... – он сделал эффектную паузу. А Казанцев подумал, как бы он смотрелся, если бы его сейчас прямо с креслом перенести на башню броневика... Августовские тезисы... Он усмехнулся своим мыслям, но вслух ничего не сказал.

Не дождавшись возражений, сосед продолжил:

– Это надо же... Стало недоброй традицией стрелять в президентов... Старинная народная забава: отстрел президента в естественных условиях... Участвует вся нация! – подражая цирковому шпрыхштальмейстеру, закончил свою тираду сосед.

Казанцев вежливо улыбнулся, но опять не сказал ни слова. И сосед продолжил свой гневный монолог.

А в милой солнечной Италии, куда мы с Вами, даст Бог, благополучно долетим, страна песен, веселья и счастья... солие мио... – сосед сделал эффектную паузу, – ...министров нужно

заносить в Красную книгу, я уже не говорю о комиссарах полиции и прочей мелкой дичи... Охота не прекращается ни на секунду... Но проблем...

Кому-то, скажем, не нравится министр... Заметьте, всегда найдется человек или же группа людей, которым не нравится министр... И вот этот кто-то или же группа по предварительному сговору друг с другом выходит на улицу и начинает стрелять. Просто и экономично: одно нажатие курка – и причины для раздражения как ни бывало...

Сосед перевел дух, вытер пот с высокого морщинистого лба и в упор глянул на Казанцева. Слава всем своим видом дал понять, что монолог соседа интересует его в высшей степени, а потому высказываться пока воздержится. Тот, поняв, что может беспрепятственно продолжать, заговорил снова с тем же напором:

– Как-то у одного из фантастов, не помню у кого точно, мне попала повесть о путешествии на некую планету, президенту которой при вступлении на пост вешали на шею небольшое украшение, заключавшее в себе мини-бомбочку. Тикала она себе тикала до поры до времени, а по радио к ней шли сигналы от некоего пульта. А стоял этот пульт в зале, открытом для всеобщего посещения, и на нем была всего лишь одна красная кнопка... И каждый недовольный президентом мог зайти в этот зал и нажать ее. После определенного количества таких нажатий бомбочка взрывалась и сносила президенту голову, тем самым удовлетворяя недовольных... Очень остроумное решение проблемы.

Кстати, и с преступностью на той милой планете справлялись не менее остроумным способом: при помощи винтовки с оптическим прицелом. Официальное лицо при ее помощи в секунду решал все проблемы: нажатие курка – и от преступника – одно воспоминание, а стало быть, и преступности в природе не существует – никаких судов, адвокатов, судей, тюрем, разговоров... Нет – и все тут! Эффектно, дешево и гуманно...

У нас того же достигают все-таки более сложным путем. Мальчик стреляет в президента, в него стреляет другой мальчик, а того при попытке к бегству прищучивает представитель закона. Президента нет и виновных нет. Порок наказан. Все довольны... Наша сказка хороша, начинай сначала... Мальчик берет пистолет и стреляет в папу... Сначала в своего собственного, а потом в Папу Римского... Почему бы нет?! Человек испокон века уничтожает себе подобных под предлогом разной степени благовидности...

Казанцев слушал соседа, стараясь понять, куда он клонит. У него не было никакого желания вступать в полемику, но он все же не удержался и задал провокационный вопрос:

Ну, а где же, по-вашему, выход?

Сосед искоса поглядел на него, как конь, остановленный на полном скаку.

– Вот так сразу? – сбавив напор, устало спросил он. – Найти выход и указать его Вам...

– Мне? – удивился Казанцев. – Я лично, его не искал, просто, судя по вашей взволнованной речи, вас он очень волнует... Вот я и поинтересовался, вы его отыскали? Для себя...

– Если бы... – вздохнул сосед. – Если бы я знал, что делать со всей той дерьмовой кучей, которую человечество умудрилось навалить и изо дня в день продолжает наваливать... – он опять потряс газетами.

Казанцев заметил, что советских газет у него в руке не было.

– Вы имеете в виду кучу за пределами нашего Отечества? – осторожно спросил он.

Сосед, не обратив внимания на его сарказм, продолжил:

– Эти ребяташки кичатся тем, что пишут правду обо всем со всеми самыми мерзкими и зловонными подробностями... А я вот почти никогда не писал всего того, что знаю... Как-то обошлось у меня без всяких сенсационных разоблачений... А научился этому на войне... Тогда только начни разоблачать... Вопросы задавать: почему этого нет, почему того не подвезли, почему не учли... Подобных «почему» было больше, чем снарядов... Только тронь и... Но тогда была цель – выжить и победить – и поздно было разоблачать просчеты и ошибки. Потому что любое разоблачение ведет к неверию, человек теряет веру в какую-либо власть... А

на войне главное – это Вера... Если видишь ошибки – исправь. Тихо и желательно быстро, без ажиотажа. А бить себя в грудь и на каждом перекрестке поливать грязью предыдущего лидера – сие от бессилия что-либо изменить. А посему кричат, вот он, кто во всем виноват, куси его! И кусают. Глядишь, и пар, что поднакопился, весь вышел, можно и дальше спокойненько, ничего не меняя, пользоваться... Орать, где ни попадя – это только видимость свободы и демократии!

– Свобода есть осознанная необходимость? – продолжал провоцировать Казанский. Разговор, пожалуй, начал его увлекать.

– Да! – сосед решительно рассек ладонью воздух. – Свобода – это, прежде всего, сознание, а не делай все, что хочешь... Вы знаете, а было бы интересно провести референдум среди населения Земли на предмет выяснения, как каждый представляет себе – полную свободу...

– И что бы, по-вашему, вышло? – заинтересовался Казанцев.

– А, по-вашему? – сосед быстро перехватил инициативу. На сей раз уже провоцировал он.

– По-моему? – Казанцев слегка задумался. – С условием, что все ответят честно, как они представляют себе полную свободу?

– Именно так! – подтвердил сосед.

– Я думаю, что на основании этих ответов подавляющее большинство надо было бы изолировать от общества! – медленно произнес Казанский.

Сосед громко захохотал. На них стали оглядываться. Заметив это, сосед поутих и почти шепотом сказал:

– Стало быть, вы согласны с бытующим общим мнением, что ничто человеческое человеку не чуждо, то есть истребление себе подобных под предлогом разной степени благовидности и так далее в пределах десяти заповедей...

– Выходит, что так... – задумчиво сказал Казанцев. – А у вас на этот счет другое мнение?

– Другое! – победоносно заявил сосед.

– Поделитесь... – предложил Слава.

– С охотой. Свобода, – назидательно начал толстяк, – повторяю, – это, прежде всего сознание, а сознание нужно воспитывать. А на каких примерах воспитывается сознание у этих мальчиков? – он опять похлопал мясистой рукой по газетам. – На какой правде?

– Ну уж, думаю, не на органе ЦК КПСС? – усмехнулся Казанцев.

– Это, к сожалению, точно. А когда у нас по ночам слушают разные голоса и радостно блеют: "Ах, какая у них там свобода! Ах, они там, видите ли, не боятся ругать свое правительство... Ах, ах, как он обложил своего собственного президента. Разве у нас такое возможно? Вот дали бы нам!.. Ну, дали бы, ну, обложили бы, ну, еще раз бы обложили бы... А дальше что? Лучше бы жить стали? Фигушки! Не в болтологии дело. Не дай нам Бог такую свободу! Потому что ею сначала надо научить пользоваться... Так что это большое счастье, что у нас такого нельзя, потому что с сознанием у нас пока так слабо, так слабо, что ой-ей-ей... Это надо же, нет у нас большей радости, когда видим просчеты в работе руководства. А уж когда разоблачать начинают, хлебом не корми, от телевизора не оторвешь, газету из рук не вырвешь... И какой русский не любит травлю с гончими и борзыми... Когда все на одного... И вот когда дают трибуну таким правдолюбам, а иногда очень высокую трибуну... – Казанцев понял, что сосед уже говорит о чем-то личном конкретном, очень наболевшем, – мне, лично, становится страшно... Я не хочу такой свободы, я на нее за долгие годы достаточно посмотрелся. И для детей своих не хочу, и для внуков... – сосед глубоко вздохнул. – Простите, что-то я разошелся...

– Вот уж никогда не подумал бы, – сказал Казанцев, – что вы когда-нибудь станете извиняться за то, во что верите.

– Действительно, – улыбнулся сосед. – Видите ли, меня тут наемни назвали, вернее, обозвали, человеком осторожным... А я на самом деле очень осторожный человек! Я им так и сказал, я боюсь безумно храбрых и безудержно честных людей, потому что ошибки, которые они совершают, нам очень дорого обходятся...

– И поэтому вы сегодня летите в Италию? – Казанцев рассмеялся.

– Так же, как и вы... – сосед улыбнулся в ответ. – Вы что, тоже осторожный человек?

– Я, скорее, наоборот... – прервав смех, вздохнул Слава. – Но я изо всех сил стараюсь не делать ошибок...

– Внимание! – раздался голос бортпроводницы. – Просьба пристегнуть привязные ремни! – и то же самое по-английски.

Загорелись табло. Самолет шел на посадку.

Глава 8. Казанцев

(4 августа, 9.13 средневропейского времени).

Главное, разгрузить мозги... Что бы мне сейчас больше всего помогло – это хорошая кружка Эйсмарха для мозгов... Изрядно мне их загадили за последний час... Или за год?.. Сейчас важно собраться. Сколько еще у тебя передышки? День?.. Там видно будет... Погода тут чудесная... Жара. Сейчас бы на пляже поваляться... Ну и на здоровье... Кто сказал, что мелькать нужно где-то в определенном месте? Никто! Мелькни, где надо, пойми, что тебя заметили, и катай себе на пляж – загорай в свое удовольствие... А взял я с собой плавки? Дурацкий вопрос. Тут тебе не дома, нужны плавки – в любом магазине, за любую цену... Начинать думать по-другому, Славочка...

Итак, уже ступил на чужую землю... Пока можно не собираться, кайфуй... Пока тобою занимаются хоть и профессионалы, но пока еще не те... Но тоже складно работают, машина у них тут налажена: везут, проверяют, досматривают – ни секунды лишней, все учтено и просчитано... Пока можно расслабиться, все причитающиеся тебе формальности ты получишь сполна... Можно даже глаза закрыть...

Ого! Вот это уже интересно... Может, показалось? Нет. Повторяют... Так, соберемся! Как это примерно звучит по-русски: «Синьора Казанцева, прибывшего рейсом 126 из Москвы, ожидают у шестого выхода, возле стоянки машин...» Неплохо звучит... Началось...

А ты на что рассчитывал?.. Нормальный ход... Интересно, тот, кто меня сечет, заметил, что я напрягся?.. Хотя, во-первых, я не напрягся, даже глаз не приоткрыл – тут я собой доволен, а во-вторых, никто меня еще не сечет, не могут же они меня знать в лицо... Спокойно!.. А вот я, может быть, располагаю кое-какой информацией... Так, не спеша, лениво приоткрыть один глаз... документы таможеннику, а сам неторопливо... еще медленнее... так, так, ага... все больше пока можешь головой не крутить... У колонны, делает вид, что рассматривает расписание... Шляпа низко надвинута, но усики вот они... Двигаются, жвачку он жует что ли? Жует... На меня ноль внимания... Персонально – ноль, но очередь сечет, это, как пить дать... Профессионально сечет... Хотя дерьмовый он профессионал, если его Егоров вычислил... А может, у него задача такая была?

Поживем – увидим...

А где же боксер? Пока не видно... Так, так... А вот это уже номер, мой-то усатенький тоже в зоне особого внимания... Он за мной, тот за ним, – дедка за репку, бабка за дедку... А я кто же? Кто, кто – мое дело репку тянуть, пока не вытяну... А там посмотрим, кто к ней еще прилепился...

Смотрит он за ним в открытую, нахально, можно сказать, смотрит... Правое плечо вперед... Левша он что ли? Подбородок волевой, одет хорошо и настроен решительно... Одним словом, серьезный мужик?.. Вот еще бы узнать: кто кому дядя? А вот еще один... К левше подошел что-то сказал и тут же слинял... Маленький, но удаленький, в толпе, как растворился... А это еще что? Никак мой разговорчивый сосед? Уже прошел и огонь, и воду, и медные трубы? Прошел... А что ему от усатенького моего надо? Что-то спросил... Этого еще не хватало... Повернулся, рукой мне машет... Проколол... Ну, этого я от себя не ожидал... Неужели ты, дорогой товарищ Казанцев, кураж потерял? Как последняя «саявка» в ответ ручкой махнул... Еще бы платочек синенький вынул: вот он я...

Чего ты нервничаешь? Тебе же нужно, чтобы тебя засекли. А часом раньше, часом позже, какая разница... И неужто ты думаешь, что к тебе они кого-то прямо из Союза приставили? Брось играть в «шпионов», Славочка! Он просто спросил его, как проехать в город или где тут сортир...

Улыбается и опять ручкой машет, мол, до скорого... А усатый к другой колонне отвалил и в мою сторону даже не глянул...

Так, формальности кончились, вы свободны, синьор Казанцев, можете следовать к шестому выходу, тем более что опять объявляют... Кто-то очень жаждет жаркого свидания со мной! Хорошо бы если это была Орнелла Мути... Представляешь, Славочка, выходишь ты из шестого выхода, а там, на стоянке в своем «Феррари» – она сама... Вместе с Челентано. Дурак ты, Казанцев, и не лечишься!.. Чем голова забита? Дуростями!

Пошли! Не спеши, не спеши... Некуда нам пока торопиться... Спешить нужно только голому в баню... Чего там усатенький делает? Смотри-ка, пошел за мной, пошагал... А походка у него, и впрямь, вихлястая... И левша следом... И маленький тоже, а с ним еще один... с первого взгляда вроде бы уже пожилват, в таком возрасте на пенсии розы выращивать или клубнику для базара, но так по массе в порядке... Не подарок, старичок... И это все на меня одного?

Что-то многовато для начала...

А вот теперь можно и побыстрее, ну-ка, Славочка, добавь оборотов, попробуем их на зуб, синьоров родименьких...

Глава 9. Экскурсия по городу

(4 августа. С 9.30 до 10.21)

В переходе Казанцев почти незаметно начал сбавлять ход и тут же услышал за спиной быстрые шаги. Когда они по звуку были уже довольно близко, он внезапно резко остановился, сделал небольшой шаг в сторону и тут же, повернувшись, выставил вперед плечо.

Усатый, натолкнувшись на неожиданную преграду, отлетел к противоположной стене перехода, недоуменно хлопая маленькими глазками, которые наконец можно было увидеть, так как шляпа съехала ему на затылок.

Левша, не ожидавший подобной задержки, приостановился, но тут же опомнившись, сделал озабоченное лицо и прошел мимо, к выходу. Парень и седой, вовремя затормозив, остановились неподалеку. Седой, достав из кармана пиджака сигареты, протянул пачку парню. Тот взял сигарету. Седой достал зажигалку и дал ему прикурить, потом, не спеша, закурил сам.

– I am sorry! – вежливо извинился Казанцев, кидаясь к усатому на помощь. Он подхватил его под локоть, помогая вновь принять горизонтальное положение, при этом он ловко прижался к его левому боку. То, что было у усатого под пиджаком, спутать нельзя было ни с чем.

Казанцев удовлетворенно хмыкнул и знаками показал, что уступает усатому дорогу. – Please! – и он состроил на лице самую вежливую из своих улыбок.

Конец ознакомительного фрагмента.

Текст предоставлен ООО «ЛитРес».

Прочитайте эту книгу целиком, [купив полную легальную версию](#) на ЛитРес.

Безопасно оплатить книгу можно банковской картой Visa, MasterCard, Maestro, со счета мобильного телефона, с платежного терминала, в салоне МТС или Связной, через PayPal, WebMoney, Яндекс.Деньги, QIWI Кошелек, бонусными картами или другим удобным Вам способом.